

ГЕОРГ ТРАКЛЬ

*Перевод с немецкого и вступление Сергея Аверинцева **

Странные стихи, звучащие в замедленном темпе, без повышений и понижений голоса, ровно и тихо. С завораживающей настойчивостью повторяются одни и те же слова. Очень часты цветовые эпитеты: голубой, черный, пурпурный, чуть реже — красный, еще реже — белый и прочие. Но это не передача чувственно-воспринимаемой многоцветности зримого мира; скорее вспоминаешь употребление цвета в геральдике или в окраске литургических одеяний. Каждый цвет — шифр, имеющий строго определенное, хотя и не легко формулируемое значение (голубой — потустороннее спокойствие, холодная чистота влаги; черный — угроза; пурпурный — опьянение и живая теплота; красный — жар и грех и т.п.). Мороз — черен, хотя снежный ландшафт бел. Инфернальный волк, вступивший в схватку с ангелом, красен. Вода — всегда голубая. Если бы речь шла о другом подходе к слову, мы с неодобрением отметили бы изобилие готовых красот из позднеромантического словаря. Но у Тракля такие «поэтизмы» в принципе меняют функцию: ничего расплывчатого, необязательного, вводимого «для настроения» — лексика организована в жесткую систему шифров. Слова раскладываются, как предметы священнодействия или орудия гадания — медленно, преувеличенно точными движениями руки. Все те же слова, неумоимо вступающие в новые и новые сочетания.

Из слов возникают сгущенные, статичные образы.

Сначала кажется, что перед нами элегическая поэзия природы и одиночества, сладостно-унылого безмолвия (вспомним семантику эпитета «унылый» в стихах нашего Жуковского). Звучит нота, казалось бы отзвучавшая еще в пору предромантической чувствительности. И впрямь, современные исследования выявляют связь Тракля с забытым наследием немецкого сентиментализма конца XVIII в., с поэзией «Гёттингенской рощи» (эта связь — в структуре развеществляющего эпитета, обращенного, как мы только что видели на «цветовых» примерах, через голову пластического воображения непосредственно к эмоции, но также и в элементах типично сентименталистского ландшафта,

* ГЕОРГ ТРАКЛЬ — Стихи (*Перевод с немецкого и вступление Сергея Аверинцева*) // *Иностранная литература*, 1989, № 11, 171–176.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2007.
<http://www.imwerden.de>

подвергнутых у Тракля модернизирующей переработке, однако вполне опознаваемых). Но нет — дело не так просто. Мотивы невинности, то ли младенческой, то ли монашеской, то ли райской, нагнетаются так, чтобы испугать нас своей чрезмерностью. Так мог бы вспоминать свое знание о небесах падший ангел, растравляя свою муку. Мы чуем срыв — еще до того, как он обнаруживает себя в словах.

И срыв обнаруживает себя. Словесные эмблемы смерти и зла, тления и растрения являются в невыносимом соседстве с самым сердцем «голубого» траклевского Рая, усугубленные контрастом. На таких контрастах издавна играли романтики; но тут — не до игры. Вспомнишь не элегиков XVIII столетия, да и не Новалиса с его «голубым цветком», — а самого значительного из испорченных мальчиков и падших ангелов в европейской поэзии: Рембо. Как и он, Тракль — «проклятый поэт», певец беды и вины, отчаяния, недуга и гибели.

Но в поэзии Тракля всегда присутствует и третье — совесть, не позволяющая забыть об утраченной гармонии, воля к искуплению, к очищению, хотя бы самой страшной ценой. Сразу скажем, что с христианством Тракля дело обстоит не так просто. Вновь и вновь появляющаяся в его стихах барочная католическая образность, которая была просто неизбежной для поэта, родившегося в Зальцбурге, заставляет, однако, вспомнить, что по рождению Тракль принадлежал к протестантскому меньшинству; значит, никогда, даже в детские годы, его восприятие католического храма и обряда не могло быть непосредственным, бытовым, не осложненным дистанцией. И церковность — тоже Рай, из которого его изгнали еще до его рождения. При желании можно находить протестантские черты в присущем ему представлении о своей роковой предопределенности к гибели, о вине, коренящейся в самых истоках личного бытия («Горе, вопль роженицы»). Так или иначе, однако, сам поэт достаточно убежденно, хотя с романтической расплывчатостью понятий, считал себя внеконфессиональным христианином; характерно, что идеалом христианства был для него Достоевский. Но и более «языческие» мотивы его поэзии — все эти отроки, блаженствующие в единении с природой и одновременно словно предназначенные для какого-то древнего жертвоприношения, — означают нечто большее, чем декадентскую мечту; в них выражена, как некогда у Гёльдерлина (у которого — тогда только что открытого — Тракль, конечно, учился не только технике верлибра), высокая философско-антропологическая утопия, строгая и серьезная тоска по «золотому человеческому образу».

Человек, написавший эти стихи, прожил недолгую жизнь. Тяжелым, странным взглядом смотрят на нас с фотографий его глаза. Это был отрок и юноша, какого никто не захочет в сыновья: из тех, что с самого начала словно бы все понимают, все знают, но не умеют сделать главное — адаптироваться к жизни. Над ним тяготело сознание страшного, проклятого греха, относящегося к детским годам: его привязанность к сестре Грете, яркой, артистической натуре, у которой мальчик, чувствувавший себя непонятым, искал понимания, перед которой преклонялся, приобрела чувственную окраску. Вместе с сестрой они практиковали употребление наркотиков. Всю жизнь Траклем владела навязчивая мысль — наказать себя, быть собственным палачом. «Я не смею уклоняться от Ада», — сказал он в необычно для него доверительном разговоре с друзьями в январе 1914 года, когда жить ему оставалось несколько месяцев. С христианской точки зрения ему недоставало не чувства раскаяния (и уж конечно не мистической одаренности) — а добродетели надежды.

Его путь вел его от переживания собственной вины и беды к переживанию вины и беды всего гибнущего старого мира. Символична его смерть: он проработал несколько месяцев военным санитаром на галицийском фронте, посмотрелся на мучения раненых и умирающих — и не вынес этого опыта, заплатив за него безумием и в тяжело омраченном состоянии покончив с собой. Перед этим он написал несколько пророческих стихотворений об одичании Европы, о прорыве варварства. «Волки с воем врываются в двери».

Философ Мартин Хайдеггер писал:

«Многозначное звучание поэзии Тракля идет от собранности, то есть от созвучия, которое само по себе всегда остается по ту сторону высказываемого. Многозначность этой поэтической речи — не приблизительность, но строгость, и она принадлежит не тому, кто нечто разрешил себе, но тому, кто от всего отрешил себя, предавшись заботе о «праведном взирании»».

Из сборника «Стихотворения», 1913 г.

Рождение

Горы — изломы, черное, снег.
Красной охоты вьется путь.
О, мшистые взоры зверя.

Материнский покой; под черной елью
Разверзаются дремные руки,
Когда явит себя хладеющий месяц.

О, человека рожденье. Плещут в ночи
По камням голубые струи,
Воздыхая, падший ангел видит свой облик.

Пробуждается бледное в дреме кельи.
Как две луны,
Мерцают очи на каменном лице старухи.

Горе, вопль роженицы. Черным крылом
Детских висков касается ночь,
Снег, что с пурпурных небес никнет неслышно.

Отроку Элису

Элис, когда из чернеющей рощи покличет дрозд,
Это погибель твоя.
Твои губы испили прохладу голубых родниковых струй.

Не страшись, пусть чело истекает кровью:
Сказкой извечной
И темной разгадкой птичьих кружений.

Но ты отступаешь мирною поступью в ночь,
Что пурпурных гроздий полна,
И дрогнул милый очерк руки в синеве.

Там Купина глаголет,
Где твои лунные очи.
О, как давно умер ты, Элис.

Твоя плоть гиацинту подобна,
И в чашечку тихо монах восковые персты опускает.
Наше безмолвие — сумрак пещеры,

Откуда порой выступает смиренный зверь
И тихо смежает тяжкие веки.
На твои виски каплют черные росы,

Последнее золото звезд падучих.

Из сборника «Себастьян во сне», 1915 г.

Просветление

Когда вечереет,
Уходит тихо лик голубой.
Малая пташка поет в тамаринде.

Мирный монах
Умершие руки слагает.
Белый ангел нисходит к Марии.

Ночному венку
Из фиалок, и злаков, и роз пурпурных
Подобен год созерцателя.

У ног твоих
Усопших отверзаются гробы,
Когда ты никнешь челом в мерцанье ладоней.

Тихо живет
У губ твоих месяц осенний,
Пьян маковым соком темной песни.

Голубые цветы,
Тихо звените вы в морщинистом камне.

*Карл Краус*¹

Белый первосвященник истины,
Кристалльный голос, что веет льдистым дыханием Бога,
Маг во гневе,
Чьи голубые латы звенят под пламенной ризой.

¹ Карл Краус (1874—1936) — видный австрийский писатель и критик, яростный сатирик, ведший неистовую войну против прессы всех направлений, против распада языка и мысли. Принимал участие в судьбе Тракля, печатал в своем журнале “*Die Fackel*” его стихи. (Прим. перев.)

Покой и безмолвие

Пастухи зарыли солнце в нагом лесу.
Поднял рыбарь
Волосяною сетью месяц из стынущих вод.

В голубом кристалле
Обитает бледный жилец, приклонивший щеку к звездам;
Или он никнет главою в пурпурную дрему.

Но вновь окликает черное птичье круженье
Созерцателя, тайна цветов голубых,
Мысль безмолвия кличет забвенное, свет отсиявший.

Вновь поникает чело ко сну, в лунные скалы;
Как сияющий отрок,
Явилась сестра в ночи, в черном истлении.

Зимняя ночь

Выпал снег. В полуночный час, хмелея пурпурным вином, ты покидаешь темную область людей, красное пламя их очага. О, помрачение ночи!

Черный мороз. Земля жестка, и у воздуха горек вкус. Звезды твои сочетались в недобрые руны.

Каменным шагом ты стучишь о дорожный вал, и круглятся глаза, как у солдата, что идет на черный окоп. Аванти!

Месяц и первый снег!

Это красный волк, кого борет ангел. Твои ноги скользят и скрипят, как лед голубой, и улыбка гордыни мукой окаменила лицо, и лоб побледнел пред усладою стужи;

или он никнет тихо над дремой сторожа, что простерт на земле в сторожке своей деревянной.

Стужа и дым. Белая ткань звездной рубахи опалила плечи, Божьи птицы расклевали железное сердце.

О, каменистый холм. Тихо плавится плоть, холодная и забвенная, переплавляясь в серебряный снег.

Черен сон. Ухо прилежно следит пути созвездий во льду.

В час пробуждения колокола звонят в деревне.

Через врата востока грядет в серебре заалевший день.

Вечером

Еще желта трава, черна и сера ветвь,
Но зазеленеет лес, когда мимо проходишь ты,
Отрок, что оком огромным солнце пьет.
О, блаженство в испуганном вскрике птицы.

От гор приходит струя, холодна и чиста,
Поет в зеленой засаде; и та же песнь,
Когда ты, хмелея, голени движешь. Дикое странствие

В голубизнах; и дух, что выйдет из чаши, из горьких трав,
Се, твой образ. Неистовый! Любовь никнет к женскому,
К водам голубым. Чистота и молчание!

Почка хранит потаенную зелень. Под мраком
Освяти наши лбы росистой вечерней ветвью.
Шаг и печаль согласно поют в пурпурном солнце.

Старость

Духовнее светятся дикие
Розы подле ограды;
О, безмолвствующая душа!

В холодной листве утеху
Пьет кристальное солнце;
О, мирная чистота!

Спелые гроздья подносит в дар
Истонченной рукою старец;
О, взор любви!

Новалис

В темной земле почил святой чужанин.
Бог удалил вопль от кротких его уст,
Когда во цвете своем поник он.
Голубым цветком
Живет его песнь в ночном доме печалей.

Жалоба

Сон и смерть — их орлиные крылья
Всю ночь у этой главы шумели:
Золотой человеческий образ
Поглотила холодная глубь
Вечности. О скалы смерти
Разбилась пурпурная плоть.

И подьмелется темный голос
Над пучиной:
Сестра мятежных уныний,
Гляди, как тонет пугливый челн
Под звездами,
Пред лицом безглагольной ночи.

На востоке

Диким орғанам зимних бурь
Подобна племен темная ярость.
Битвы пурпурный вал,
Оголенные звезды.

Разбитой бровью, серебристой рукой
Умирающих солдат приветствует ночь.
В тени осенних дубов
Воздыхают обличия павших.

На город тернистая пустошь идет.
С пурпурных ступеней гонит месяц
Толпу испуганных жен.
Волки с воем врываются в двери.

Об авторах

ГЕОРГ ТРАКЛЬ (GEORG TRAKL; 1887—1914) — австрийский поэт. При жизни была издана лишь одна его книга — «Стихотворения» (“*Gedichte*”, 1913), вторая, «Себастьян во сне» (“*Sebastian im Traum*”), вышла в 1915 году. На русском языке первые переводы вышли в 1923 году; за публикацию подборки стихотворений Тракля в русском переводе в антологии «Золотое сечение» (М.: Радуга, 1988) группа советских переводчиков (С. Аверинцев, В. Вебер, В. Куприянов, В. Топоров и посмертно К. Богатырев) удостоена австрийской премии имени Тракля.

АВЕРИНЦЕВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ (род. в 1937 г.) — советский литературовед, член-корреспондент АН СССР, переводчик. Автор работ по истории позднеантичной и средневековой литературы, по западной философии культуры XX в. (К. Г. Юнг, О. Шпенглер, К. Ясперс и др.). Ему принадлежат стихотворные и прозаические переводы «Книги Иова», Платона, Каллимаха, Плутарха, писателей средневековья, немецкоязычных авторов XIX—XX вв. (Гёльдерлина, Тракля, Гессе) и др. работы.